

Иванов Иван Иванович

**Иван Сергеевич Тургенев.
Жизнь Личность Творчество**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович И.**
Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь Личность Творчество / Иванов Иван Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 402 с.

ISBN 978-5-519-86577-7

ISBN 978-5-519-86577-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(жизнь, личность, творчество).

I.

Для біографіи какого бы то ни было дѣателя важнѣе всего, конечно, свѣдѣнія, сообщенныя лично имъ самимъ. Біографъ Тургенева съ этой стороны долженъ испытывать немалыя затрудненія. Намъ представится множество случаевъ убѣдиться въ исключительной, едва вѣроятной авторской скромности Ивана Сергѣевича. Онъ крайне неохотно допускалъ разговоры о себѣ, о своей литературной дѣятельности, самыя искреннія похвалы, по словамъ Мопассана, «уязвляли его, какъ оскорбленія». Менѣе всего такой человѣкъ самъ могъ распространяться о своей жизни и о своей личности. Онъ неоднократно получалъ запросы на счетъ біографическихъ свѣдѣній. Каждый такой запросъ не возбуждалъ въ немъ пріятныхъ чувствъ. Въ началѣ марта 1869 года, въ отвѣтъ на одну изъ такихъ просьбъ Тургеневъ писалъ: «Откровенно говоря, всякая біографическая публикація мнѣ всегда казалась великой претензіей; но и отказывать въ ней, придавать вообще ей важность—еще большая претензія». И Тургеневъ рѣшается дать только самыя общія, почти исключительно хронологическія данныя о своей жизни ¹⁾.

«Я родился 28 октября 1818 года въ Орлѣ отъ Сергѣя Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Лутовиновой, получилъ

¹⁾ *Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева.* Спб. 1883, 155.

первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ Московскомъ, послѣ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1838 году поѣхалъ за границу, чуть не погибъ во время пожара парохода «Николай І-й». Слушалъ лекціи въ Берлинѣ, послѣ вернулся, состоялъ около года при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1842 г. сталъ заниматься литературой. Въ 1852 г. за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности за «Записки Охотника») отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ прожилъ два года, и съ тѣхъ поръ живу то за границей, то въ Россіи. Бы видите, что моя біографія напоминаетъ біографію Э. Ожю, который на подобный запросъ отвѣчалъ слѣдующими словами: *je suis né, j'ai été vacciné, puis quand je suis devenu grand j'ai écrit des comédies*...

Незадолго до смерти Тургеневъ отвѣтилъ еще лаконичнѣе итальянскому писателю, составлявшему статью объ его жизни и дѣятельности. «Вся моя біографія—въ моихъ сочиненіяхъ», писалъ Тургеневъ и прибавилъ, что въ его жизни ничего нѣтъ выдающагося и для иностранныхъ читателей занимательнаго ²⁾).

Ивану Сергѣевичу, какъ и всякому другому, случалось бесѣдовать въ дружескомъ кружкѣ. Разговоры легко и естественно переходили на воспоминанія, и въ такія минуты отъ Тургенева слышали иногда любопытнѣйшія подробности относительно его семьи, дѣтства, молодости. Не мало такихъ воспоминаній записано другомъ Ивана Сергѣевича—Я. П. Полонскимъ, и любопытнѣйшая бесѣда такого же содержанія записана въ мартѣ 1880 года во время пребыванія Тургенева въ Петербургѣ. Разговоръ воспроизведенъ однимъ изъ очевидцевъ на слѣдующій день и сообщаетъ, повидимому, вполне точныя данныя для біографіи знаменитаго романиста ³⁾. Приходилось Ивану Сергѣевичу изрѣдка касаться своихъ житейскихъ подробностей въ письмахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 19 іюня 1874 года онъ изобразилъ свои отношенія къ матери по смерти отца, свои отношенія къ крестьянамъ послѣ кончины матери ⁴⁾. Это въ высшей степени драгоцѣнный документъ, но на

²⁾ *Историческій Вѣстникъ*, XIV, 446.

³⁾ *Русская Старина* XL, 202.

⁴⁾ *Письма*, 233—4.

такіе документы Тургеневъ былъ весьма нещедръ. Громадные пробѣлы, оставленные личными сообщеніями Ивана Сергѣевича, мы должны заполнять свѣдѣніями изъ чужихъ рукъ.

Тургеневъ, при всей своей несловоохотливости на счетъ личныхъ отношеній, любилъ останавливаться на преданіяхъ своей семьи. Эти преданія дѣйствительно весьма характерны и любопытны. Ими не разъ пользовался Тургеневъ и въ своихъ произведеніяхъ. Пальма первенства по части оригинальности и исключительно сильныхъ характеровъ принадлежитъ предкамъ Тургенева по матери—Лутовиновымъ. Это—одна изъ старѣйшихъ помѣщичьихъ семей. Предки ея служили еще при литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ Бѣлоруссіей, и жили настоящими магнатами. Богатство ихъ переходило изъ рода въ родъ и досталось, наконецъ, двумъ братьямъ—Петру Ивановичу и Ивану Ивановичу. У старшаго Петра была дочь Варвара, впоследствии мать знаменитаго писателя. Младшій Иванъ оказался типичнѣйшимъ героемъ всей фамиліи. Иванъ Сергѣевичъ обезсмертилъ его образъ въ двухъ рассказахъ—«Три портрета» и «Однودворецъ Овсянниковъ». Рассказъ однودворца—сплошная исторія обидъ, перенесенныхъ отъ дикаго самодура крестьянами и людьми беззащитными. Лутовиновъ не только отбиралъ чужую землю, но еще жестоко и позорно наказывалъ законныхъ владѣльцевъ. Бывали у него и подручные исполнители, вродѣ опричниковъ. Потомку насильника приходилось выслушивать горькія рѣчи отъ очевидцевъ всѣхъ этихъ подвиговъ... Отвратительнѣйшій порокъ Лутовинова изображенъ въ «Трехъ портретахъ». Старикъ-скупецъ, пересчитывающій палочкой кульки съ деньгами—это тотъ же Иванъ Ивановичъ. Онъ умеръ скоропостижной смертью, отъ разрыва сердца, по другимъ извѣстіямъ—подавился косточкой плода. Напуганные крестьяне долго еще грезили страшнымъ призракомъ. Они показывали плотину, гдѣ по ночамъ прогуливается и охаетъ тѣнь покойнаго помѣщика...

Иванъ Лутовиновъ былъ не единственной фігурой въ своей семьѣ. Въ томъ же рассказѣ «Три портрета» дѣйствуетъ Василій Ивановичъ Лучиновъ. Это—подлинное лицо, также одинъ изъ Лутовиновыхъ. Его портретъ до послѣдняго времени существовалъ въ тургеневскомъ домѣ въ селѣ Спасскомъ. Иванъ Сергѣевичъ съ

большой точностью изобразилъ внѣшнія черты этого портрета, но, очевидно, отступилъ предъ подробнымъ воспроизведеніемъ характера и біографіи своего предка. Въ разсказѣ Василій Ивановичъ играетъ страшную роль,—безсердечнаго, кровожаднаго эгоиста. Подлинный прототипъ былъ еще отвратительнѣе. Его подвиги не поддаются пересказу...

Женская линія также представила достойныхъ экземпляровъ. Одинъ изъ иностранцевъ передаетъ разсказъ Ивана Сергѣевича объ его бабкѣ. Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличемъ и почти неподвижно сидѣвшая въ креслѣ, разсердилась однажды на казачка, который ей прислуживалъ, за какой-то недосмотръ, и—въ порывѣ гнѣва—схватила полѣно и ударила мальчика по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Это зрѣлище произвело на нее непріятное впечатлѣніе. Она нагнулась, приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову, и, сѣвши на нее, задушила несчастнаго...

Таковы болѣе или менѣе отдаленныя преданія тургеневской семьи. Ближайшее прошлое было окрашено такими же мрачными красками. Это прошлое—жизнь и характеръ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны.

Сынъ выражался о ней довольно неопредѣленно. Ему, очевидно, тяжело было рисовать другимъ этотъ образъ, способный вызвать дрожь ужаса. «Мать моя», разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, «была женщиною, вполне вливавшееся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Пушкина она едва-едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую дальше Пушкина положительно не признавала. Поэтому хотя она умерла въ 1850 году, т. е. когда я уже лѣтъ семь, какъ дѣятельно участвовалъ въ журналахъ, она не признавала во мнѣ писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже *Записокъ охотника* совершенно не читала⁵⁾».

⁵⁾ *Русская Старина*, XL, 202. Этимъ заявленіемъ уничтожается сообщеніе автора *Воспоминанія о селѣ Спасскомъ*—В. Колонтаевой, разсказывающей слѣдующее: «Ясно помню, какъ онъ (Тургеневъ) однажды, войдя въ кабинетъ матери, подавъ ей въ розовой оберткѣ очень плохо и неряшливо изданную поэмѣ *Параша*, посмотрѣвъ которую, Варвара Петровна залилась слезами радости и обняла сына. Хотя въ концѣ поэмы стояли буквы Т. Л., но сердце

Пренебреженіе къ русской литературѣ и къ писательской дѣятельности сына было едва ли не самой незначительной обидой среди жесточайшихъ издѣвательствъ, которымъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ подвергались всѣ окружающіе, и въ томъ числѣ Иванъ Сергѣевичъ. Только исторія Варвары Петровны можетъ объяснить отчасти ея отношенія къ дѣтямъ и вообще къ людямъ.

Это исторія въ полномъ смыслѣ драматическая. Выше мы видѣли рядъ героевъ изъ фамиліи Лутовиновыхъ, — Варвара Петровна въ первую половину жизни представляла типичную жертву этого геронизма.

Варвара Петровна рано осталась сиротой. Мать ея — Екатерина Ивановна Лутовинова — не любила дочери, скоро во второй разъ вышла замужъ за вдовца, имѣвшаго двухъ взрослыхъ дочерей, и совершенно отдалась вліянію мужа. Положеніе ребенка оказалось отчаяннымъ. Вотчимъ невозбранно преслѣдовалъ его, не отступалъ даже передъ побоями, на немъ срывалъ свой пьяный буйный гнѣвъ. Когда Варварѣ Петровнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, преслѣдованія приняли другой видъ. Дѣвушка не знала, какъ спастись отъ развратнаго старика. Ей грозило унизительное наказаніе. Оставалось бѣжать, — и несчастная бѣжала съ помощью няни: полуодѣтая пѣшкомъ прошла около шестидесяти верстъ и нашла пріютъ у дяди Ивана Ивановича Лутовинова, жившаго въ сельцѣ Спасскомъ.

Лутовиновъ принялъ племянницу подъ свою защиту, и Варвара Петровна осталась жить въ Спасскомъ. Мы знаемъ, какова была эта жизнь. Дядя, конечно, не думалъ мѣнять своего нрава ради племянницы; напротивъ, она же стала одною изъ жертвъ его са-

матери подсказало ей имя настоящаго автора, который стоялъ тутъ же, съ лицомъ, сіяющимъ отъ счастья». *Ист. Вѣстн.* XXII, 63. Ниже, со словъ гораздо болѣе достовѣрнаго свѣдѣнія, мы убѣдимся въ совершенно противоположномъ отношеніи Варвары Петровны къ литературной дѣятельности сына. Такія же фантастическія свѣдѣнія о матери Тургенева сообщаетъ О. Аргамакова въ ст. *Семейство Тургенева*, *Ист. Вѣстн.* XV, 324. Нѣкоторые извѣстія этихъ воспоминаній, напримѣръ, о существованіи въ домѣ Варвары Петровны «придворныхъ должностей» и слугъ, носившихъ даже фамиліи министровъ, — прямо опровергаются В. Н. Житовой, воспитанницей Варвары Петровны и надежнѣйшей свидѣтельницей всего, что касается матери Ивана Сергѣевича и его первой молодости. См. *Вѣстн. Евр.*, 1884, н. 85.

модурства. Онъ держалъ ее почти взаперти, совершенно подавилъ и обезличилъ. Такъ прошла вся молодость вплоть до тридцати лѣтъ, когда, наконецъ, тюремщикъ умеръ ⁶⁾.

Варвара Петровна стала единственною наслѣдницею многочисленныхъ имѣній матери и дяди и въ первый разъ въ жизни почувствовала себя не только свободной, но полновластной госпожей нѣсколькихъ тысячъ крѣпостныхъ рабовъ. Легко представить, какимъ жгучимъ дыханьемъ повѣяла эта свобода на измученную годами поработленную дѣвушку! Въ жилахъ Варвары Петровны текла таже горячая, бурная лутовиновская кровь. Жить хотѣлось, неудержимо хотѣлось, и теперь на тридцатилѣтнемъ возрастѣ эта женщина возьметъ отъ жизни все, въ чемъ раньше судьба ей отказывала. Она прежде всего воспользуется той стороною жизни, которая болѣе всего причинила ей обиду и огорченій, — властью. Варвара Петровна будетъ не просто повелѣвать и властвовать, — нѣтъ это будетъ настоящая оргія самовласти, упоеніе своей силой, какое-то самозабвеніе среди трепета и ужаса подвластныхъ. Вторая половина жизни будетъ местию за загубленную молодость, за пережитое рабство. Мечь будетъ тѣмъ беспощаднѣе, что и на свободѣ Варвара Петровна не найдетъ личнаго счастья.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ служилъ въ Елизаветградскомъ гусарскомъ полку и по имѣніямъ былъ сосѣдомъ Варвары Петровны. Она познакомилась съ Тургеневымъ въ Орлѣ, и, по нѣкоторымъ разсказамъ, Варвара Петровна сама вызвала предложеніе со стороны красиваго офицера, врядъ ли расчитывавшаго на такую завидную партію ⁷⁾. Внѣшность юнаго гусара, дѣйствительно, была обаятельна, но этимъ и ограничивались достоинства избранника Варвары Петровны. Однажды заграницей она встрѣтилась съ владѣтельной нѣмецкой принцессой. Оказалось, этой принцессѣ когда-то былъ представленъ Сергѣй Николаевичъ. Теперь принцесса случайно увидѣла на рукѣ Тургеневой браслетъ съ портретомъ красиваго гусара и обратилась къ ней съ такими

⁶⁾ *Воспоминаніе о семьѣ И. С. Тургенева*. В. Н. Житовой. *Вѣстн. Евр.* 1884, ноябрь, 73.

⁷⁾ *Воспоминанія о селѣ Спасскомъ*. *Ист. Вѣстн.* XXII, 43: авторъ ссылается на разсказы «людей, помнившихъ о началѣ этого сватовства».

словами: «Вы—жена Тургенева, я его помню; послѣ императора Александра I я не видала никого, красивѣе вашего мужа».

Въ этой красотѣ было нѣчто, не особенно лестное для мужчины. Другъ Тургенева, видѣвшій портретъ его отца, излагаетъ свои впечатлѣнія въ слѣдующей формѣ: «Онъ глядитъ еще юношей лѣтъ 26, хорошъ собой, и—странно—не смотря на удивительные темные глаза, смѣлые и мужественные, такъ и кажется, что это не мужчина, а дама или даже камелія, наряженная въ бѣлый конно-гвардейскій мундиръ и въ галстухъ, который безъ всякаго узелка или бантика обматываетъ ея бѣлую лебединую шею, и такъ высоко, что слегка подпираетъ ей подбородокъ. Взглядъ какой-то русалочный—свѣтлый и загадочный; чувственные губы и едва замѣтная усмѣшка».

Иванъ Сергѣевичъ, повидимому, неохотно вспоминалъ о своемъ отцѣ, но когда это случалось, онъ съ полной искренностью опредѣлялъ преобладавшую черту его характера: «Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ», и въ доказательство рассказывалъ одинъ изъ подвиговъ: «ловца». Разсказъ *Первая любовь*, какъ извѣстно, вдохновленъ автору семейными преданіями...

Тургеневъ-отецъ своимъ общественнымъ положеніемъ былъ обязанъ исключительно выгодной женитьбѣ. Послѣ него, по словамъ сына, осталось всего 130 душъ разстроенныхъ и не дававшихъ дохода. Блестящая барская жизнь, послѣдовавшая послѣ свадьбы, доставляла гораздо болѣе удовольствій мужу, чѣмъ женѣ. Наклонности Сергѣя Николаевича не ослабѣвали съ годами; врядъ ли въ этой семьѣ царствовало счастье. Варвара Петровна никогда не отличалась красотой, скорѣе противоположнымъ качествомъ, и ко времени замужества молодость уже давно отошла въ область тяжелыхъ воспоминаній.

У Тургеневыхъ было трое сыновей—Николай, Иванъ и Сергѣй. Послѣдній умеръ восемнадцати лѣтъ отъ эпилепсіи. Любимымъ ребенкомъ считался Иванъ, но въ дѣйствительности такое привилегированное положеніе являлось злѣйшей ироніей.

Громадный старинный домъ Тургеневыхъ въ сорокъ комнатъ представлялъ изъ себя гнѣздо всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ и физическихъ мученій. Мы не станемъ пересказывать

всѣхъ часто весьма хитрыхъ и тонкихъ способовъ мучительства, какіе изобрѣтались госпожей. Память иныхъ очевидцевъ, можетъ быть, здѣсь и прикрасила дѣйствительность, но основа разсказовъ остается неизмѣнно правдивой⁸⁾. Преданнѣйшіе слуги не были ограждены отъ страшныхъ обидъ и огорченій. У Варвары Петровны былъ старый дворецкій Поляковъ, вмѣстѣ съ женой служившій ей всю жизнь съ безпримѣрнымъ усердіемъ. Въ награду его едва не убили наслѣдственнымъ костью Лутовиновыхъ, и все-таки разжаловали и сослали въ дальнюю деревню. Жѣну того же Полякова измучили злѣйшей мукой, запрещая держать при себѣ и кормить своихъ дѣтей. Барыня старалась мучить именно того, кто ближе всего стоялъ къ ней, и въ случаѣ защиты съ чьей-либо стороны, грозная опала распространялась на виноватыхъ и на защитниковъ. Особенное негодованіе госпожи возбуждалъ тотъ, кто начиналъ пользоваться любовью, расположеніемъ другихъ. Тогда 'придиракамъ, утонченнымъ издѣвательствамъ не было конца. Здѣсь ни во что ставили человѣческія слезы и человѣческое счастье. Разбить дорогое чувство, однимъ жестомъ разрушить надежду всей жизни, однимъ капризомъ обездолить цѣлую семью казалось своего рода праздникомъ, торжествомъ власти... Сколько совершалось здѣсь драмъ день за днемъ, никѣмъ незримыхъ, никому невѣдомыхъ!.. Незримыхъ и невѣдомыхъ многіе годы, но настало время, явился и въ этомъ мірѣ человѣкъ, собравшій и взвѣсившій капли непризнанныхъ слезъ...

Тяжело было дѣтство Ивана Сергѣевича. Въ груди ребенка билось чуткое впечатлительное сердце, жаждавшее тепла и ласки, а кругомъ ужасный домъ, наполненный грозными призраками и, кажется, еще болѣе грозными или равнодушными и забытыми живыми людьми. Здѣсь не понимаютъ стремленій, сродныхъ дѣтской душѣ. Мать не знала дѣтства. Она едва ли не стала помнить себя сиротой, прошла жизнь въ школѣ одиночества и гнета. Трудно было свизойти послѣ такого пути до пристального наблюденія

⁸⁾ Такими прикрасами, несомнѣнно, полны воспоминанія О. В. Аргамовой. Нѣкоторые эпизоды, сообщаемые ею, носятъ вполнѣ сказочный характеръ, если даже о характерѣ Варвары Петровны судить съ самой суровой точки зрѣнія. Особенно, напр., эпизодъ съ сыномъ Николаемъ, *Ib.* 332.

надъ міромъ ребенка, повидимому, малымъ и ограниченнымъ, но для любящаго взора исполненнымъ чарующихъ тайнъ и чудесъ... А между тѣмъ, здѣсь развивался и міръ исключительный, міръ будущаго великаго художника, безконечно богатый своеобразными ощущеніями, темными, едва уловимыми намеками, нѣжнѣйшими побѣгами, — всѣмъ, чему суждено въ послѣдствіи именоваться гениемъ и творчествомъ. Но здѣсь никого нѣтъ, кто бы даже въ лучшія минуты неясныхъ предчувствій почувалъ грядущую силу. Напротивъ. Здѣсь все сдѣлаютъ, чтобы заглушить и искоренить божественную искру... Только чудная сила, породившая величайшаго проповѣдника гуманности и мысли въ царствѣ насилія и мрака, выведетъ къ свѣту свое избранное дѣтище...

Варвара Петровна знала одно педагогическое средство—розгу. «Драли меня», рассказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, «за всякіе пустиакі чуть не каждый день... Разъ одна приживалка, уже старая, Богъ ее знаетъ, что она за мной подглядѣла, донесла на меня моей матери. Мать безъ всякаго суда и расправы тотчасъ же начала меня сѣчь, — сѣкла собственными руками, и на всѣ мои мольбы, сказать, за что меня наказываютъ, приговаривала: самъ знаешь, самъ долженъ знать, самъ догадайся, самъ догадайся, за что я сѣку тебя».

На другой день ребенокъ окончательно отказался угадать свою вину. Тогда наказаніе повторили и обѣщали повторять его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается въ своемъ преступленіи. Мнимый преступникъ пришелъ въ смертный ужасъ. Ему представился единственный путь спасенья—бѣгство изъ родного дома. И вотъ какъ онъ самъ въ послѣдствіи описывалъ свое настроеніе. Планъ бѣгства, конечно, приводился въ исполненіе ночью...

«Я уже всталъ. Потихоньку одѣлся и въ потемкахъ пробирался корридормъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать, — только чувствовалъ, что надо убѣжать и убѣжать такъ, чтобы не нашли и что это единственное мое спасеніе. Я крался, какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая. Какъ вдругъ въ корридорѣ появилась зажженная свѣчка, и я къ ужасу моему увидѣлъ, что ко мнѣ кто-то приближается—это былъ нѣмецъ, учитель мой. Онъ поймалъ меня за руку, очень удивился и сталъ меня допра-

шивать.—Я хочу бѣжать, сказалъ я и залился слезами.—Какъ, куда бѣжать?—Куда глаза глядятъ.—Зачѣмъ?—А за тѣмъ, что меня сѣкутъ, и я не знаю, за что сѣкутъ.—Не знаете?—Клянусь Богомъ, не знаю.

«Тутъ добрый старикъ обласкалъ меня, обнялъ и далъ мнѣ слово, что уже больше наказывать меня не будутъ.

«На другой день, утромъ, онъ постучался въ комнату моей матери и о чемъ-то долго съ ней наединѣ бесѣдовалъ. Меня оставили въ покоѣ».

Интересна роль отца въ подобныхъ исторiяхъ. Отецъ съ такою же легкостью, какъ и мать, повѣрилъ наговору приживалки и не подумалъ разслѣдовать дѣло,—напротивъ, къ горькимъ чувствамъ ребенка прибавилъ еще свои укорины въ столь ранней испорченности. Съ этой стороны было полное равнодушіе къ духовному развитію сына, и всякая карающая мѣра, къ чему бы она ни примѣнялась, встрѣчала, очевидно, полное сочувствіе...

Въ дѣтствѣ Иванъ Сергѣевичъ отличался одной способностью, въ высшей степени симпатичной и отрадной, но въ Спасскомъ домѣ производившей впечатлѣніе какого-то злого духа. Ребенокъ былъ крайне искрененъ и экспансивенъ. Врожденная впечатлительность на каждомъ шагу подвергала его жестокой опасности—обмолвиться лекстатіи преступнымъ замѣчаніемъ. Тургеневъ передаетъ на этотъ счетъ нѣсколько далеко не всегда забавныхъ приключеній. Всѣ они относятся къ шести-семилѣтнему возрасту.

Разъ его представили весьма почтенному старцу и предупредили, что это сочинитель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Ребенокъ прочелъ передъ авторомъ одну изъ его басенъ, но не удовлетворился одной декламаціей,—ему захотѣлось высказать свой критическій взглядъ, и онъ прямо въ глаза достопочтенному старцу брякнулъ:

«Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова — гораздо лучше». Легко представить ужасъ матери юнаго критика. Она «такъ разсердилась», рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, «что выскла меня и этимъ закрѣпила во мнѣ воспоминаніе о свиданіи и знакомствѣ, первомъ по времени.—съ русскимъ писателемъ».

Другой случай еще драматичнѣе, и на этотъ разъ бѣда про-